

НОВЫЙ ГОД ПРОВЕДУ С МОСКВИЧАМИ

Аплодисменты, овации, возгласы «браво!». И россыпи красных роз на сцене парижского театра «Эспас Карден». Майя Плисецкой не надо покорять французскую публику, она давно уже ее покорила. Но такой необычной Плисецкой любители балета еще не видели. «Безумная из Шайо» Жана Жироу в постановке талантливого хореографа Джиджи Качильяну открывает новую Плисецкую: современную, неожиданную, неотразимую и притягательную. И великолепная музыка, написанная Родионом Щедриным. Она сливается со строгим танцем, удесятеряя его эффект. После спектакля Майя Михайловна согласилась дать интервью для «Труда».

— Чем были наполнены последние годы? Два сезона вы возглавляли балетную труппу Римской оперы, после работы в Испании...

— Италия была уже давно — шесть лет тому назад. Я приглашала разных хореографов. Делали и современные постановки, и старые возобновляли, такие, как «Петрушка» Стравинского, «Федра» Лифаря, «Конек-Горбунчик» Боянцев. Дочь Брониславы Нежинской восстанавливала балет своей матери «Лебешь». Знаете, чем была поражена? Совершенный модерн, высшего класса. А поставлено в 1923 году. Для себя я делала «Айседор». Для труппы — «Раймонд». «Кармен» ставил Альберто Алонсо. Много за полтора года было осуществлено. В Мадриде руководила труппой классического балета в оперном театре «Ла сарсуэла». Тоже много спектаклей, и возобновленных. Танцевала в «Мариц Стюарт». Но через два года туда был назначен хореограф стиля «модерн», и непростого, а при котором, скинув туфли, танцуют босиком. А я в этом не специалист. И поэтому те, кто хотел продолжить танцевать классику, разъехались по разным странам. С тех пор прошло уже два года. Было много гастролей по всему миру: и в

Японии, и во Франции, и снова в Испании, в Америке, в Москве...

— Получается, вашим домом в какой-то мере стал самолет? — Очень много перелетов. Мы с Родионом Щедриным снимаем маленькую двухкомнатную квартиру в центре Мюнхена. Щедрин получил в Германии заказ на две оперы, он там работает. Поэтому в Мюнхене я была чаще, чем где-либо. В Москве была дважды за этот год. В последний раз — в июле, когда на Красной площади был устроен большой концерт. Приятно было танцевать на месте, где обычно проходили военные парады и шли танки...

— В начале этого года, когда вы выступали в Париже, в театре Елисейских полей, в газете «Фигаро» было опубликовано интервью с вами, которое многих встревожило. В нем говорилось, что вы не знаете, поедете ли вообще в Москву, появиться ли в Большом театре, с которым у вас связано очень многое...

— Побывать в Москве для выступления на Красной площади еще не означает оказаться в Большом театре. Но те люди тогда поняли мои слова так, что я будто бы не собираюсь больше приезжать в Россию. Это неверно. Я не собиралась и не собираюсь приезжать в Большой театр, потому что там чудовищная

обстановка. И пока это не изменится, я там не появлюсь. Но, по всей видимости, перемен не произойдет. Как театр, как школа Большой вот уже 30 лет топчется на месте. Там сидят люди, которые устраивают любую власть. Но... гибнет балет.

— Итан, вы дважды были в Москве. Какие впечатления она у вас оставила?

— Мне очень жалко людей. Потому что от тяжелой жизни люди просто веруют. Метания, экспериментирования. Многие делается невпопад. То, что предлагается, как мне кажется, пока положительных видимых результатов не дает. А народ-то талантливый. Сколько Россия дала мировому искусству, которое у нас всегда запрещали! Цензура же была буквально на все — на балет, музыку, литературу, живопись. А после все это, гонимое, прививалось за границей, и к нам подчас возвращалось, как большое западное достижение...

— Несмотря на то, что вы были признанной балериной, о чем свидетельствует хотя бы звание народной артистки СССР, у вас всегда были натянутые отношения с властями. Не так ли?

— Знаете ли, в какой-то степени мною даже хвалились. Когда в Москву приезжали высокопоставленные иностранные гости, особенно во времена «оттепели», их вели в Большую. Я была невыездной, а мною руководители страны хвалились чуть ли не каждый день. Мне дали звание, но я сидела в клетке, пусть золотой, но клетке. Звание... Это как насмешка. Народная артистка несуществующей страны...

— Вы постоянно в работе, не устали?

— Иногда приходят мысли

отдохнуть, но не получается. Без конца предложения. Тот самый случай: не я ищу работу, а она — меня.

— Какие предложения сейчас поступают?

— С «Безумной из Шайо» пригласили в Японию, уже даже намечены числа — в конце января. Англичане также хотели бы увидеть балет у себя.

— Как вам видятся судьбы русского балета?

— Вы знаете, лет тридцать назад считалось, что нельзя делать, а тем более брать в гастрольные поездки такие «нафталинные» спектакли, как «Баядерка» или «Дон-Кихот». Котировались лишь два из старого репертуара — «Лебединое озеро» и «Жизель». Теперь этот «нафталин» — самое модное. Причем по всему миру. И у нас сейчас перекаривают классические балеты. Это просто переделано, ухудшено. Потому что если бы мог улучшить, то поставил бы свое. А молодежь, что пришла в театр, воспитывается на старых переделанных спектаклях. Это скучно. Потом, знаете, когда десятками лет разрешается делать все только в одном стиле, значит, дело плохо. Я не могу назвать ни одного хореографа в России, который был бы выдающимся. Есть получше, есть похуже. Но так, чтобы «ах-ах», — никого.

— А танцовщики, балерины?

— Лучшие, опытные — уехали. Остались самые молодые. Теперь труднее уехать: сейчас Запад ни в ком особенно не нуждается. Насыщение. Такие «звезды», как Семенина, Мухамедов, на ком держался репертуар, устроились, и хорошо. У них в Лондоне боль-

шие, на пять лет, контракты. Я не говорю уже о прекрасной балерине Нине Ананишвили, которая вынуждена в основном работать на Западе, так как в Большом ей дают два-три спектакля в год.

— В апреле будущего года исполнится 50 лет, как вы выступаете на сцене. Где и как вы собираетесь отмечать юбилей?

— «Хороший» юбилей для балерины... Сначала я об этом и не думала. Но здесь, в Париже, мне напомнили. И только тогда задумалась. Один человек взялся за организацию, но умер. И я уже было поставила крест на затее. Но другие люди не забыли. Анатолий Собчак спросил: хочу ли я сделать юбилей в Санкт-Петербурге? Потом этот вопрос был поднят в Вильнюсе. Там есть талантливые драматические режиссеры, может быть, что-то и придумают. Я ответила: если будет интересно, то я согласна. Посмотрю, какие поступят предложения.

— В Москву снова не собираетесь?

— Щедрина 60 лет исполнилось. Намечены юбилейные концерты в Москве и Санкт-Петербурге. В Москву я, к сожалению, не успеваю. В те же самые числа у меня спектакль в Париже. Но после последнего спектакля полечу к нему в Петербург.

— А Новый год где встретите?

— Очень может быть, что мы сядем в «Красную стрелу» и 31-го на Новый год будем в Москве, в городе, где я родилась, где у меня так много друзей...

Беседу вел
Вячеслав ПРОКОФЬЕВ.

17 декабря 1992 года

Труд-

«Труд»